ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ НА МОСКОВСКОМ МАТЕМАТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ[1)]

Ч. Форд

Перевод с английского и примечания А. И. Володарского

1. Введение

Одной из основных идей «культурной революции», начавшейся в Советском Союзе в 1929 г., стало «социалистическое преобразование» высших учебных заведений и, прежде всего, университетов. Особое внимание уделялось главному университету страны – Московскому. Важными его административными единицами являлись в этот период научно-исследовательские институты.

Одним из них был Институт математики и механики. Весной 1930 г. он первым подвергся реорганизации. Рассмотрение хода подобных преобразований в старейшем университете страны представляет особый интерес, ибо по логике власти они должны были стать моделью для преобразований в учебных заведениях страны. Особенно важным моментом стало сопротивление этим изменениям в профессорско-преподавательской среде. Оно проявилось, в частности, в научно-исследовательском Институте математики и механики и, особенно, в деятельности его директора Дмитрия Федоровича Егорова. Он открыто противостоял, например, решениям, требовавшим от аспирантов выполнения общественной работы, особенно в тех случаях, когда подобная работа была политически ориентирована [1, с.154]. Он отвергал навязывание идей диалектического материализма как философии, на основе которой предписывалось строить здание современного естествознания. Он был активным противником разраставшегося давления на Русскую православную церковь и не принял коммунистическую идеологию [2].

Публикуемый здесь документ был обнаружен в архиве Московского университета [3, с.2–4]. Это резолюция аспирантов Института математики и механики, принятая в конце 1929 г. и посвященная специально общественной работе аспирантов. В архивной папке, в которой находилась эта резолюция, также содержатся протоколы тринадцати заседаний Общеуниверситетского бюро аспирантов, состоявшихся с 31 октября 1929 г. по 13 февраля 1930 г.

1) Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (коды проектов: №№98-03-04084, 99-03-19868)

По этим материалам прослеживается активность аспирантов, направленная на изменение характера деятельности университета. Помимо протоколов тринадцати заседаний Общеуниверситетского бюро имеются протоколы двух общих собраний аспирантов, прошедших 28 октября 1929 г. и 21 декабря 1929 г. Мы надеемся в будущем опубликовать протоколы всех пятнадцати заседаний; публикуемая резолюция лишь первый шаг на этом пути.

Прежде всего, следует отметить весьма радикальный настрой этой резолюции. Это заметно уже с самого начала текста, где словом «бешенная» характеризуется оппозиция — «новая городская и сельская буржуазия и уцелевшие осколки разбитого старого строя», а также по словам «саботаж» и «вредительство» со стороны «части старых специалистов на точке зрения рабочего класса не стоящих». Можно также увидеть, что среди задач общественной работы, проводимой вне стен высших учебных заведений (пункт III) специально обозначены антирелигиозная работа и контакт с союзом безбожников. Именно такая деятельность была, прежде всего, важна воинствующим активистам и именно это является одной из важнейших причин решительного противостояния Егорова активизацией подобной общественной работы.

Егоров стал главной мишенью радикально настроенных студентов в Институте математики и механики, по крайней мере, с 1924 г., когда под давлением он был смещен с поста председателя Предметной комиссии по математике (событий, которые привели к его отставке с должности директора Института в 1929 г. мы еще коснемся). Поэтому естественным стало публичное упоминание его фамилии на общем собрании аспирантов.

Это произошло на втором общем собрании аспирантов 21 декабря 1929 г., описанном в статье, опубликованной в начале 1930 г. [4] (см. также [1, с.148], где эта статья подробно цитируется). Имя Егорова было специально упомянуто, чтобы проинформировать общественность о том, что он недавно был смещен с поста директора Института математики и механики. Отставка Егорова считалась большой победой воинственно настроенных аспирантов Института математики и механики и была особым предупреждением другим научно-исследовательским институтам Московского университета.

Публичное извещение об отставке Егорова было сделано по особому настоянию двух наиболее воинственно настроенных аспирантов Института: Дмитрия Абрамовича Райкова и Гавриила Кирилловича Хворостина. Это видно из протокола заседания Общеуниверситетского бюро 19 декабря 1929 г., на котором обсуждались

предложения к общему собранию, состоявшемуся двумя днями позднее [3, с.77] (протокол заседания номер 8).

Хворостин поступил в Московский университет в 1923 г. как воинственно настроенный активист. Позднее он был избран секретарем парторганизации Института [5, с.141 об.]. В середине 1930-х годов он стал ректором Саратовского университета; вскоре он был арестован и расстрелян. Райков приехал в Москву в 1923 г. из Одессы и был зачислен в университет. Позднее он стал известным математиком. Мы еще укажем на некоторые стороны их деятельности в Московском университете в 1920-е годы.

2. Начало конфликта

Институт математики и механики при Московском университете был создан в 1921 г. В 1923 г. его директором стал Егоров. В том же году Егоров был назначен председателем Предметной комиссии по математике [6, с.127] (существовала также Предметная комиссия по механике). В статье, написанной вскоре после ареста Егорова, последовавшего в 1930 г., рассматривались изменения, происходившие как в Институте математики и механики, так и в Московском математическом обществе [7]. Автор утверждал, что студенты объявили «войну» Егорову еще несколькими годами раньше и что его вынудили уйти в отставку с поста председателя Предметной комиссии [1, с.149]. Летом 1996 г. в протоколах Предметной комиссии я нашел этому подтверждение.

В протоколах собрания 6 февраля 1924 г. [8, с.4] упоминается об избрании трех руководителей Предметной комиссии по математике. Председателем был избран Егоров, заместителем председателя — В.А.Костицын, секретарем — В.В.Степанов. На собрании присутствовало 25 человек, треть из которых составляли студенты, включая и Хворостина. Голосование отразило эту пропорцию: около двух третей присутствовавших было за избрание руководства в этом составе; треть была против. Все указывало на раскол между преподавателями и студентами-активистами, действовавшими, скорее всего, по указаниям «идеологов». Уже на следующем собрании 5 марта 1924 г. [8, с.5] Егоров, Костицын и Степанов были смещены со своих постов. И это также свидетельствовало о продолжении конфликта в Институте. Так, за резолюцию, позволявшую П.С.Урысону продолжить работу в качестве преподавателя, проголосовало 18 человек, против — 5, воздержалось — 4. По-иному прошло голосование по кандидатурам Н.Н.Лузина, И.И.Жегалкина и И.И.Привалова: за проголосовало 15 человек, воздержалось — 11. Было принято решение созвать вскоре еще одно собрание и провести новые выборы.

На собрании 19 марта 1924 г. [8, с.29] на рассмотрение был предложен новый список: председателем Предметной комиссии выдвигался И.И.Жегалкин, заместителем председателя — В.В.Степанов, секретарем — Г.К.Хворостин. Каждый был избран единогласно. Очевидно, было достигнуто определенное соглашение, благодаря которому пролетарское студенчество смогло получить в комиссии большее представительство: в ее руководство вошел Хворостин. Из сохранившейся биографической анкеты видно, что тогда он еще не был членом партии; он стал им годом спустя [9, с.74]. Смещение Егорова с поста председателя Предметной комиссии знаменовало реальную победу пролетарского студенчества.

Протоколы свидетельствуют, что Егоров продолжал открыто сопротивляться мерам, проповедуемым «революционным студенчеством», которое направлялось партийными идеологами. В течение 1924 г. были нацелены на политически ориентированную «чистку» [10, с.181—183]. Егоров открыто объявил о своем несогласии с подобными мерами. На заседании Предметной комиссии 18 июня 1924 г. он настаивал на обсуждении вопроса «Об академической чистке студентов» указав, что «...комиссия по академической чистке допустила ошибки по отношению к некоторым студентам, вычистив их за академическую неуспеваемость, тогда как успеваемость их известна и профессорам и студентам, работавшим вместе с ними» [8, с.9].

Студенческая часть комиссии предприняла все, чтобы этот вопрос больше никогда не поднимался; она настояла на снятии этого вопроса с повестки дня и он был перенесен в подкомитет. По-видимому, это заседание было последним в учебном году. На первом же собрании в новом учебном году, состоявшемся 10 сентября 1924 г., протокол предшествующего заседания был откорректирован. Читан протокол предметной Комиссии от 18 июня 1924 г. и с следующей поправкой: В вопросе об академической чистке студентов вместо слов: «преподаватели сняли с повестки дня» — читать: «преподаватели взяли свое предложение обратно, мотивируя снятие проявившимся отношением студенческой части предметной комиссии к этому вопросу» [8, с.12]. Так, «пролетарское студенчество» продемонстрировало свою реальную силу.

3. Сопротивление

Активность радикальных преобразований на физико-математическом факультете, кажется, стала спадать после 1924 г. Возглавлявшие факультет люди, близкие Егорову, сумели сохранить контроль над его деятельностью. Публикуемая резолюция специально

призывала «привлечь аспирантов к работе предметных комиссий». Это наводит на мысль, что первоначальный успех, достигнутый отставкой Егорова с поста председателя Предметной комиссии по математике не повлек за собой существенных изменений, на которые так рассчитывали студенты-активисты.

Из протоколов заседания 10 декабря 1924 г. следует, что Хворостин был переизбран секретарем Предметной комиссии [8, с.20]. На этом же собрании впервые упоминается Иван Георгиевич Петровский, о котором более подробно будет рассказано дальше. На двух следующих заседаниях, состоявшихся 24 января 1925 г. и 18 февраля 1925 г., продолжились споры об учебных планах и программах. На последнем заседании студенты и преподаватели разошлись во мнении по поводу курса, включавшего «Энциклопедию высшей математики» и цикл лекций по прикладной математике. Позиция факультетских преподавателей в обоих случаях была поддержана итоговым голосованием, хотя и с небольшим перевесом голосов [8, с.25].

На заседании 11 марта 1925 г. Петровский был избран членом сразу двух подкомитетов [8, с.27], один из которых был призван рассмотреть различные подходы преподавателей и студентов по спорному вопросу о практических и теоретических курсах лекций; эта проблема обсуждалась той весной на ряде заседаний. В следующем учебном году, начиная с заседания 29 сентября 1925 г., Петровский значится секретарем [11, с.7]. Официально он был избран секретарем на заседании, проходившем 2 декабря 1925 г. [11, с.13]. Дальнейшие заседания, по-видимому, стали менее дискуссионными, хотя, порой, и не приводили к согласию. Так, на заседании 25 ноября 1925 г. Егоров выступил против резолюции, предложенной Петровским, и был поддержан Комитетом [11, с.10], однако, предмет обсуждения был не столь значительным.

Избрание Петровского секретарем, видимо, совпало со спадом радикальной активности. Мы полагаем, что это не было простым совпадением. Как уже было отмечено, Петровский вскоре становится учеником Егорова, написавшего в июне 1930 г. письмо в поддержку Ивана Георгиевича [1, с.157 – 158]. С.С.Демидов и другие исследователи указывают на то, что у Петровского всегда были хорошие отношения с Егоровым. Многие годы он был деканом механико-математического факультета университета, а в 1951 г. стал и его ректором. На этой должности он стал хорошо известен благодаря своим усилиям по сохранению научных традиций и успешной защите университета от политического давления.

4. Воинствующий активист

К 1924 г. Д.А.Райков, подобно Г.К.Хворостину, стал одним из студентов-активистов Московского университета. Мы получили возможность ознакомиться с описанием его студенческой карьеры, приведенной в автобиографическом очерке, написанном 14 декабря 1929 г.; автобиография была составной частью документов, необходимых для представления при зачислении в аспирантуру Института математики и механики [9, с.52]. Мы приводим этот документ полностью, хотя для данной статьи наибольший интерес представляют политические характеристики.

«Отец — кустарь. До этого был рабочим пекарем. Сейчас — чернорабочий на мельнице. Родился я в 1905 г. в г. Одессе. Учился в городском училище (до 3 класса). С 1918 по 1920 г. работал. В 1920 г. поступил на рабфак. В августе 1922 перевелся на рабфак МВТУ в Москву. В конце января 1923 поступил в типографию и перевелся на вечерний рабфак им. М.Н.Покровского, который и окончил в июне 1923 г. В конце 1923 г. поступил на физмат I-го МГУ на математическое отделение, но до конца 1926 г. почти не учился, т.к. работал в типографии и вел большую общественную работу в КСМской ячейке физмата. Числился на 2 курсе. С начала 1927 г. ушел из типографии и нажал на занятия. Летом 1927 г. перескочил со 2 на 4 курс. Весною 1927 г. учеба сорвалась вследствие борьбы с оппозицией (был секретарем КСМской ячейки). Второе полугодие 1927/28 учебного года работал в семинаре проф. А.Я.Хинчина по теории чисел и прочел там доклад: «Новое доказательство трансцендентности числа e, данное Spaeht'ом». Осенью 1928 г. также не занимался, так как был занят общественной работой. Во втором полугодии 1928/29 уч.г. работал по теории вероятностей у проф. А.Я.Хинчина и прочел на его семинаре (часть курса лекций проф. А.Я.Хинчина была превращена в семинар) доклад об усиленном законе больших чисел. Кроме того дал два новых доказательства теоремы Бернулли. В настоящее время принимаю участие в работе семинара по алгебре и теории чисел.

С начала 1928 являюсь выдвиженцем. Состою сейчас членом аспирантского бюро Института математики и механики I-го МГУ в качестве представителя от выдвиженцев.

Интересуюсь, собственно, методологией математики и ставлю себе целью способствовать внедрению материалистической диалектики в математику. Но для этого нужно хорошо проработать самое математику, а с другой стороны, развивать марксистскую методологию математики нужно для преобразования самой математики, а не только для иллюстрации математическим материалом

диалектики. Поэтому считаю нужным поступить аспирантом в Институт математики и механики I-го МГУ и выбираю своей специальностью (на первое время) теорию чисел.

С мая 1920 г. состоял членом КСМ, с мая 1928 г. являюсь членом ВКП/6/».

Райков точно определяет свою задачу: способствовать внедрению материалистической диалектики в математику. Это же является главной темой публикуемой резолюции: «В Институте не ведется почти никакой работы по разработке методологии диалектического материализма в математике и по выработке из аспирантов ученых диалектиков-материалистов...». В связи с этим необходимо проведение в жизнь мер «по поднятию на должный уровень проработки философии естествознания, истории и методологии математики, а также прохождения математического естествознания как предметов, необходимых для выработки из аспирантов ученых, стоящих на точке зрения диалектического материализма». Райков указывает, что его желание изучать математику является лишь предварительным шагом на пути к решению главной задачи. Примечательно, что Райков был лидером студентов рабоче-крестьянского происхождения. Эта группа особо упоминается в данной резолюции, призывающей к расширению такого слоя аспирантов. Все это предполагает, что Райков принимал большое участие в составлении рассматриваемой резолюции.

В следующем разделе мы обсудим статью, содержащую интересное описание того, как происходила реорганизация Института. В ней отмечается значительная роль Райкова в ускорении этого процесса. Но прежде нам хотелось бы сравнить деятельность Райкова и Хворостина в 1920-е годы. У нас имеется автобиографический набросок Хворостина [9, с.73]. Он был написан 14 декабря 1929 г., в тот же день, что и автобиография Райкова, хотя является более кратким и не столь детальным. Хворостин указывает, что он стал активно сотрудничать с большевиками во время революции, тогда ему было 17 лет; в Сибири он был арестован колчаковцами и даже посажен в тюрьму. В 1920 г. он поступил учиться на рабфак им.М.Н.Покровского, который закончил в 1923 г. Именно этот рабфак посещал Райков с января по июнь 1923 г. Осенью 1923 г. Хворостин, а в конце 1923 г. Райков становятся студентами физико-математического факультета Московского университета. Мы знаем, что уже к началу 1924 г. Хворостин активно действовал в Предметной комиссии по математике как представитель студенчества. Из-за болезни ему пришлось прервать обучение в 1925 – 1926 учебном году. Это обстоятельство объясняет почему в

конце 1925 г. Петровский заменил Хворостина в качестве секретаря Предметной комиссии по математике.

Хворостин пишет, что из-за большой загруженности общественной работой, он не смог завершить учебу на физико-математическом факультете. Хотя подробности в его автобиографии отсутствуют, она по своей тональности мало отличается от написанной Райковым. Хворостин отмечает, что он потратил много времени на создание специализации «прикладная математика», по которой он собирался продолжить работу. С 1929 г. он был одним из студентов рабоче-крестьянского происхождения, обучавшихся специальной программе. Эти студенты часто отбирались по их симпатии к советской системе, хотя при этом демонстрировать особый уровень политической активности не было необходимости. Хворостин и Райков являли пример политической активности. Ранее упоминалось, что Райков предложил эту программу в начале 1928 г. и был избран представителем этой группы в Общеуниверситетское аспирантское бюро в конце октября 1929 г.

Весьма вероятно, что Райков и Хворостин были знакомы еще до 1923 г., когда оба обучались на одном и том же рабфаке. Поскольку оба поступили на физико-математический факультет в 1923 г., то на многие годы они погрузились в политическую жизнь университета; представляется весьма правдоподобным, что они были хорошо знакомы друг с другом в этот период.

5. Коммунистическое влияние

В резолюции делается специальная ссылка на Коммунистическую академию: «...нужно связаться с обществом воинствующих диалектиков-материалистов и с Коммунистической Академией, являющейся центром научной марксистской мысли». И это не удивительно. Основанная в 1921 г., Коммунистическая академия в течение ряда лет была открыта молодым ученым, симпатизирующим коммунизму. Некоторые даже стали ее сотрудниками. Так, А.О.Гельфонд в 1929–1930 учебном году, последнем году своего пребывания в аспирантуре, был научным сотрудником этой академии [5, с.147]. С 1929 г. Секция естественных и точных наук академии стала издавать специальный журнал [12]. Во втором выпуске за 1929 г. опубликованы научные статьи Л.А.Люстерника и Л.Г.Шнирельмана [12, 1929, №2, с.31–46]. В следующем году и Гельфонд напечатал там свою работу [12, 1930, №1, с.33–55]. В редколлегию входило три математика–члена партии: О.Ю.Шмидт, Э.Кольман, С.А.Яновская.

Софья Александровна Яновская была замечательной фигурой в движении по социалистическому преобразованию высших учебных заведений. В начале 1930-х годов Яновская (совместно с Райковым) работала над подготовкой к печати математических рукописей Маркса [13, с.4], [14, с.146]. В течение ряда лет в Московском университете она преподавала аспирантам-математикам курс истории и философии естествознания. Первоначально это был курс марксизма и диалектического материализма, но в таком качестве многие аспиранты его просто не посещали. Яновская написала весьма содержательную статью о реорганизации Института математики и механики, опубликованную в мае 1930 г. [15]. В статье признавалось сколь успешным было в Институте противодействие социалистическим преобразованиям. «Еще сравнительно недавно диалектический материализм был отнюдь не популярен в среде математиков. Аспиранты-математики, если не вслух, то потихоньку называли курс истории и философии естествознания, организованный для них, «красным богословием», а старые профессора т.н. «Московской школы», авторитет которых в среде математиков был несокрушим, прилагали все усилия к тому, чтобы спасти «автономию» «чистой», «единой» для «всех времен и народов» математики от злостных покушений на нее со стороны материалистической философии...» [15, с.88].

Курс лекций, названный аспирантами «красным богословием», разрабатывался и преподавался самой Яновской. Слова «всех времен и народов», возможно, были реакцией «старых профессоров» на марксистские утверждения типа «социалистическая математика» [13, с.219], «социалистическая наука» [13, с.79], «пролетарская наука».

Публикуемая резолюция также отразила подобные настроения. Она ссылалась на «...стремление части старых специалистов...создать себе из молодежи заместителей по образу и подобию своему». Резолюция признавала, что «...наличный состав аспирантов...в своей большей части стоит вдалеке от советской общественности...и на деле по важнейшим вопросам идет за консервативной профессурой». Необходимо, чтобы «...каждый аспирант в отдельности и весь институт аспирантов в целом должны доказать свою преданность делу рабочего класса».

Яновская подчеркивает, что изменения наступили лишь вследствие того, что к году великого перелома «...подросли и окрепли уже те, хотя и немногочисленные, но все же крепкие пролетарские кадры, которые пришли в вуз из рабфаков, ибо партия со всей решительностью поставила перед всеми специалистами вопрос о

недостаточности одной только голой «лояльности», о том, что, кто не с нами, тот против нас...» [15, с.89]. Она специально указывает, что «...год великого перелома для всей нашей страны был годом перелома и на математическом фронте» [15, с.89]. Яновская пишет: «...математики, стоявшие во главе наших математических институтов и обществ, гордились своей ролью охранителей «священных» традиций «школы» от «разрушительного влияния советской действительности. Повторяем, год великого перелома явился началом перелома и на фронте математики, ибо фактически положение стало меняться на практике лишь в 1930 г. Революция докатилась, наконец, и до Института математики механики, руководство и методы работы которого были коренным образом изменены» [15, с.91]. «Математики до которых не могла не докатиться дискуссия на философском фронте, сначала стояли в стороне, предпочитая роль «третьего», пока, наконец, наиболее передовая их часть, раньше других увидевшая огромное принципиальное значение этих споров, обнаружившая, не без изумления, глубокое их содержание и значение для методологии науки, в том числе и математики, сама не приняла в них активного участия» [15, с.89]. Среди тех, кто понял «глубокое содержание» и «значение» диалектического материализма для математики, несомненно, был и Райков, который высказал подобную убежденность в автобиографическом очерке.

В резолюции упоминается Общество воинствующих материалистов-диалектиков. Оно было тесно связано с Коммунистической академией и с его сотрудниками подобно Яновской и Кольману. Первый выпуск журнала Коммунистической академии опубликовал обращение А.Деборина, одного из руководителей этого Общества. Деборин обращается «Ко всем тт., занимающимся изучением, разработкой, пропагандой марксизма» [12, 1929, №1, с.182]. Он пишет: «...старое общество воинствующих материалистов переводило и издавало боевую, атеистическую литературу XVII столетия. Вновь объединенное о-во должно всемерно эту работу продолжать, дополняя ее современной боевой атеистической литературой, организуя всяческую борьбу против религиозного мракобесия, поповщины, во всех во всех ее видах и проявлениях» [12, 1929, №1, с.183].

6. Культурная революция

1929 год продемонстрировал большой подъем в кампании по преобразованию всех учебных заведений в советские институты. К 1929—1930 учебному году коммунистическая партия, кажется, установила полную власть, что стало гарантией того, что рекомендованные ею лица будут приняты в аспирантуру. Райков и

Хворостин были среди восьми претендентов, поступавших в аспирантуру Института математики и механики осенью 1929 г. Шесть из них были рекомендованы партийной организацией физико-математического факультета [9, с.12]. Окончательное решение Отборочной комиссии было получено только в середине декабря. Из шести абитуриентов, рекомендованных партийным бюро, трое были членами партии, остальные трое — комсомольцами. Среди членов партии были Райков и Хворостин; третьим был Кива Израилевич Зацинский, состоявший в партии с 1920 г. [9, с.13]. На общем собрании аспирантов 21 декабря 1929 г. он был одним из четырех, избранных в президиум собрания.

К концу 1929 г. студенты активисты были готовы к новым действиям. Это становится очевидным из протоколов первого собрания Общеуниверситетского аспирантского бюро I-го МГУ, состоявшегося 28 октября 1929 г. Доклад о деятельности Общеуниверситетского аспирантского бюро в 1928 — 1929 учебном году получил крайне негативную оценку [3, с.93]. После чего руководитель партийной организации Вендровский представил новый список кандидатов в состав Общеуниверситетского аспирантского бюро. Сам Валериан Давидович Вендровский был аспирантом-зоологом [3, с.84 об.], [16, с.14]. В списке было двенадцать фамилий: девять аспирантов и три преподавателя. Все они были выбраны в предположении, что на следующем общем собрании это избрание может быть изменено. Одним из тех, кого выдвинул Вендровский был Иван Георгиевич Петровский. Однако, Петровский взял самоотвод на том основании, что он излишне обременен работой и вместо себя предложил включить Константина Григорьевича Бороздкина; предложение было принято. Предложенные кандидатуры были избраны в качестве нового Общеуниверситетского аспирантского бюро. Вендровскому было поручено подготовить решение собрания, в котором новому Общеуниверситетскому аспирантскому бюро предлагалось «... учесть все недочеты работы старого состава бюро и добиться решительного перелома на пути к их изжитию» [3, с.94].

Вновь избранное бюро сразу же начало проводить собрания. На первом заседании, состоявшемся 31 октября 1929 г., т.е. три дня спустя после выборов, было заявлено, что во всех Институтах должны пройти новые выборы представителей, ответственных за связь с новым бюро. Представителем Института математики и механики был выбран Бороздкин [3, с.85]. На втором заседании Общеуниверситетского аспирантского бюро, состоявшемся 21 декабря 1929 г., в нем осталось лишь семь человек из числа тех, кто был избран 28 октября 1929 г.; Бороздкина среди них не было. Были

проведены довыборы; среди пяти вновь избранных был Райков. Подобно публикуемой резолюции, рабочий план, принятый общим собранием, предусматривал антирелигиозную пропаганду среди сезонных строителей [3, с.90]. Также предусматривалась «антирелигиозная работа в университете».

На заседаниях Общеуниверситетского аспирантского бюро часто присутствовали аспиранты, не являвшиеся в то время его членами. Так, на заседании бюро 19 декабря 1929 г., на котором обсуждался доклад к общему собранию 21 декабря 1929 г., присутствовали и выступали Райков, Хворостин, Петровский и Бороздкин, хотя лишь Бороздкин был в то время членом бюро. Петровский присутствовал также на собрании Общеуниверситетского аспирантского бюро, состоявшемся 6 февраля 1930 г., на котором он представил план реорганизации Института. На этом собрании присутствовал Бороздкин, но, видимо, отсутствовали Хворостин и Райков, хотя последний к тому времени уже был членом Общеуниверситетского аспирантского бюро.

7. Великий перелом

Именно Петровский представлял план реорганизации Института математики и механики на заседании Общеуниверситетского аспирантского бюро 6 февраля 1930 г. [3, с.97] (протокол заседания номер 12). Он доложил о результатах выборов в бюро аспирантов Института математики и механики, состоявшихся 29 октября 1929 г. В автобиографическом очерке Райков отмечал, что он также был членом бюро аспирантов Института математики и механики, поскольку являлся представителем студентов — выдвиженцев от рабочих и крестьян. Вероятно, это было то самое заседание, на котором он был избран членом бюро аспирантов Института математики и механики.

Выше отмечалось, что на первом заседании Общеуниверситетского аспирантского бюро 31 октября 1929 г. было заявлено, что в соответствии с решением этого бюро от 28 октября 1929 г., все Институты должны выбрать своих представителей для связи с новым бюро. Весьма вероятно, что именно на заседании 29 октября 1929 г. Бороздкин был выбран представителем для связи аспирантского бюро Института математики и механики с Общеуниверситетским аспирантским бюро.

Петровский отметил, что институтское бюро аспирантов принимало участие в реорганизации Института математики и механики во исполнение решения общего собрания. Не совсем ясно на что именно ссылался Иван Георгиевич. «Резолюция общего собрания», упомянутая Петровским, вероятно, и есть публикуемая здесь

резолюция. Если это так, то упомянутое «общее собрание» — это, скорее всего, общее собрание аспирантов Института математики и механики (вероятно, заседание 29 октября 1929 г.). С другой стороны, ссылка могла быть на одно из двух общих собраний всех аспирантов (28 октября 1929 г. или 21 декабря 1929 г.). Резолюция первого из них, процитированная выше, была составлена Вендровским. Резолюция собрания 21 декабря 1929 г., рассматривавшаяся в [4], не отличается от публикуемой здесь.

В первом абзаце публикуемой здесь резолюции отмечается, что она была принята после обсуждения доклада Петровского. Напомним, что на общем собрании всех аспирантов 28 октября 1929 г. Петровский был первым, кому было предложено осуществлять связь между аспирантами Института математики и механики и Общеуниверситетским бюро. Это еще раз подтверждает тот факт, что в конце октября 1929 г. Петровский играл важную роль в реорганизации Института. Вот почему представляется весьма правдоподобным, что публикуемая резолюция была принята на собрании аспирантов Института 29 октября 1929 г. или еще на каком-либо собрании, состоявшемся примерно в это же время, и что Петровский был ключевой фигурой на этом собрании.

Мы знаем, что публикуемая резолюция была написана до 21 ноября 1929 г., поскольку она обсуждалась на заседании президиума Ассоциации научных сотрудников научно-исследовательских институтов Московского университета, которое состоялось 21 ноября 1929 г.; об этом известно из сохранившихся фрагментов записей этого заседания [3, с.1]. Также мы знаем, что Егоров оставался на посту директора Института математики и механики по крайней мере до 24 октября 1929 г., поскольку именно эта дата стоит на документе, который Егоров подписывал как директор Института [17, с.3]. Мы не знаем точной даты, когда Егоров был смещен с поста директора; также мы не знаем предшествовало ли это принятию резолюции. Ранее мы предполагали [1, с.158], что Петровский включился в реорганизацию Института с молчаливого одобрения Егорова. Выше мы предположили, что Петровский подключился к этой работе для сохранения научной целостности Института. Поэтому возможно предположить, что отставка Егорова и появление Петровского в качестве лидера аспирантской группы в процессе реорганизации Института не являются независимыми событиями.

События октября 1929 г. происходили с необыкновенной быстротой. 28 октября 1929 г. на первом общем собрании аспирантов старое бюро представило свой доклад. Он подвергся резкой критике и было избрано новое бюро. Буквально на следующий день

аспиранты Института математики и механики провели свое заседание, на котором было избрано аспирантское бюро Института; возможно, что на этом заседании и была одобрена публикуемая резолюция. Спустя два дня, 31 октября 1929 г., вновь избранное бюро провело свое заседание — первое в серии из тринадцати заседаний между 31 октября 1929 г. и 13 февраля 1930 г. Помимо этих заседаний 21 декабря 1929 г. было проведено общее собрание аспирантов и все это за период менее четырех месяцев.

За этот период был составлен план реорганизации Института математики и механики. По этому плану реорганизация должна быть лишь внешней, не затрагивая сложившейся структуры Института. Хотя бюро и одобрило этот план, он подвергся критике со стороны многих присутствовавших; Петровский и Бороздкин активно его защищали. Оба отмечали исключительные обстоятельства, стоящие перед Институтом, который первым предпринял реорганизацию. Подобную точку зрения Петровский также излагал на общем собрании аспирантов 21 декабря 1929 г. [3, с.87].

8. Заключение

Пролетарское студенчество по наущению идеологов неоднократно, начиная с 1924 г., предпринимало попытку реорганизации Института математики и механики, начиная с 1924 г. После тактического отхода — ухода с поста председателя Предметной комиссии по математики — Егоров в течение последующих пяти лет сумел сохранять контроль над Институтом.

К концу 1929 г. позиция Егорова оказались полностью незащищенной. Партийные активисты добились того, чтобы их кандидаты принимались в университет. Два из наиболее агрессивных студенческих активистов, Райков и Хворостин, были приняты в аспирантуру Института математики и механики. Больше не было возможности открыто сопротивляться радикальным преобразованиям. Стремившиеся сохранить Институт математики (и среди них молодой Петровский) решили предпринять иную стратегию. Мы полагаем, что они стали более активными в своих намерениях попытаться сохранить научную целостность перед лицом мощного давления со стороны агрессивно настроенных активистов и предпринял защитные действия, проявившиеся в чисто внешних изменениях в Институте, чтобы таким образом соответствовать радикальным требованиям времени. И Егоров повторил свой тактический маневр 1924 г., уйдя с поста директора Института математики и механики.

Список литературы

1. *Форд Ч.* Дмитрий Федорович Егоров: материалы из архива Московского университета // Историко-математические исследования. 1996. Вып.1(36) №2. С.146-165.
2. *Ford Ch.* Dmitrii Egorov: Mathematics and religion in Moscow // The Mathematical Intelligencer. 1991. V.13. №2. P.24-30.
3. Архив МГУ. Ф.49. Оп.1. Ед. хр.33. Д.21.
4. *Долин И.Г.* На встрече аспирантов // Научный работник. 1930. №1. С.18 – 20.
5. Архив МГУ. Ф.49. Оп.1. Ед. хр.37. Д.15.
6. *Кузнецов П.И.* Дмитрий Федорович Егоров (к столетию со дня рождения) // Успехи математических наук. 1971. Т.26. Вып.5. С.169 – 206.
7. *Зайденвар И.* Октябрь в математическом обществе и в институте механики и математики // ВАРНИТСО. 1930. №11 – 12. С.73 - 74. Этот журнал позднее объединился с изданием «Фронт науки и техники».
8 Архив МГУ. Ф.24. Оп.1. Ед. хр.107.
9. Архив МГУ. Ф.49. Оп.1. Ед. хр.34. Д.5.
10. *Бескин Н.М.* Воспоминания о московском физмате начала 20-х годов // Историко-математические исследования. 1993. Вып.34. С.163 – 184.
11. Архив МГУ. Ф.24. Оп.1. Ед. хр.143.
12. Естествознание и марксизм. М.: Издательство Коммунистической академии. Журнал издавался с 1929 г. по 1932 г. В 1931 г. название сменилось на «За марксистско-ленинское естествознание».
13. Марксизм и естествознание. М., 1933.
14. *Каголин Л.* «Мы были тогда дерзкими парнями...». М., 1973.
15. *Яновская С.А.* Очередные задачи математиков-марксистов // Под знаменем марксизма. 1930. №5. С.88 – 94.
16. Архив МГУ. Ф.49. Оп.1. Ед. хр.19. Д.7.
17. Архив МГУ. Ф.49. Оп.1. Ед. хр.45. Д.1.

Резолюция по вопросу об общественной работе аспирантов института математики и механики[1]

Общее собрание аспирантов Института Математики и Механики при I МГУ совместно с выдвиженцами, обсудив доклад тов. Петровского об общественной работе аспирантов, пришло к следующим выводам:

1. Наступление социализма, в деле строительства которого пролетариат приносит колоссальные жертвы, проявляя подчас подлинный героизм, встречает бешенос сопротивление со стороны новой городской и сельской буржуазии и уцелевших осколков разбитого старого строя.

Социалистическое наступление вызывает резкое обострение классовой борьбы в нашей стране, проявляющееся в самых разнообразных явных и скрытых формах на всех решительно участках

практической и идеологической работы. В частности, в среде научных работников и специалистов оно проявляется в протаскивании чуждой делу пролетариата идеологии, в стремлении части старых специалистов, на точке зрения рабочего класса не стоящей, создать себе из молодежи заместителей по образу и подобию своему, в прикрывающемся формальной лояльностью саботаже, а иногда и в прямом вредительстве.

Перед лицом этих фактов, в обстановке обостряющейся классовой борьбы, не должно быть места никакой неясности в вопросе о том, на чьей стороне стоит тот или иной аспирант. Не словом, а делом, каждый аспирант в отдельности и весь институт аспирантов в целом должны доказать свою преданность делу рабочего класса. И прежде всего — здесь, на месте своей основной и важнейшей работы, — в Институте.

2. Целью советского Института аспирантов является: «создание кадров научных работников, способных к преподавательской, профессорской или исследовательской деятельности, стоящих на позиции диалектического материализма и практической своей работой содействующих строительству социализма в СССР» (п.I «Положения о подготовке аспирантов Ассоциации Физмата I МГУ).

Отмечая высокий научный уровень как института математики и механики вообще, так и его аспирантов в частности, общее собрание должно все-же со всей решительностью подчеркнуть, что советским Институт далеко еще не является.

В Институте не ведется почти никакой работы по разработке методологии диалектического материализма в математике и по выработке из аспирантов ученых диалектиков-материалистов, царит (особенно в секции математики) оторванность от задач промышленности, математического естествознания и вообще приложений математики, методы работы аспирантов нуждаются в решительной переработке, а наличный состав аспирантов, включающий лишь ничтожно малую партийную и пролетарскую прослойку, в своей большей части стоит вдалеке от советской общественности, топчется на месте, боясь радикально поставить вопрос о коренном изменении положения дел в Институте и на деле по важнейшим вопросам идет за консервативной профессурой.

3. Общее собрание заявляет, что такое положение не может быть далее терпимо. Необходима революция, которая сделала бы Институт действительно советским. Необходимо создать советскую общественность в институте аспирантов и сблизить аспирантов с рабочим классом и пролетарским студенчеством на базе конкретного участия аспирантов в социалистическом строительстве.

Для осуществления этих задач бюро аспирантов, связавшись с соответствующими партийными и общественными организациями, создав вокруг себя широкий аспирантский актив, привлекая всех действительно желающих работать аспирантов и в сотрудничестве со всеми работниками института, желающими вести работу в намечаемых направлениях, должно добиваться проведения в жизнь следующего:

I. *По институту.*

1. По поднятию на должный уровень проработки философии естествознания, истории и методологии математики, а также прохождения математического естествознания как предметов, необходимых для выработки из аспирантов ученых, стоящих на точке зрения диалектического материализма. Для этого нужно связаться с обществом воинствующих диалектиков-материалистов[2] и с Коммунистической Академией[3], являющейся центром научной марксистской мысли.

2. Должна фактически выполняться одна из основных задач Института — помощь промышленности. Для этой цели необходимо создать в институте прикладной уклон, организовать производственную практику аспирантов в различных научно-исследовательских технических институтах и вовлечь аспирантов в работу математической лаборатории физмата. Ведя этим пропаганду техники среди научных работников и аспирантов, институт должен в то же время вести пропаганду математики среди инженеров и техников (организацией соответствующих лекций и прочими способами).

3. Несмотря на то, что одной из задач Института является подготовка преподавательских кадров для высших учебных заведений, в институте нет никаких организованных форм педагогической подготовки аспирантов. Необходимо организовать эту работу.

4. Должен быть в самое ближайшее время организован пересмотр методов работы аспирантов с целью решительного их изменения. Отмечая большие достижения в работе уже имеющихся в институте кружков, семинариев и коллоквиумов, следует в частности добиваться дальнейшего расширения этого метода работы.

5. Должно быть усилено участие аспирантской общественности в деле руководства институтом и во всей работе Института. Для этого нужно оформить аспирантскую фракцию в совете Института, сделав ее подотчетной общему собранию аспирантов и бюро, как постоянному органу его. Необходимо предварительное обсуждение всех животрепещущих вопросов жизни института среди аспирантов, общим собранием, бюро, аспирантской фракции, производственным совещанием — всегда с широким привлечением аспирантов.

II. *По физмату.*

1. Должно быть уничтожено совершенно ненормальное положение отрыва Института аспирантов от существующего с ним бок-о бок Физмата. Аспиранты должны принимать активное участие в работе по дальнейшей реорганизации Физмата, уточнению его целевых установок, изменению методов преподавания на нем. Для этого нужно привлечь аспирантов к работе предметных комиссий, профкома, производственных совещаний, к работе специальностей.

2. Для осуществления более тесной связи аспирантов с пролетарским студенчеством общее собрание считает необходимым, в первую очередь, организацию взаимного шефства аспирантов над студентами-выдвиженцами и наоборот: аспиранты ставят своей целью помочь выдвиженцам в их научной работе, а выдвиженцы — аспирантам по организации их общественной работы.

III. *Вне Вуза*

1. Вневузовская работа аспирантов должна ставить себе целью сближение аспирантов с рабочей массой и выработку у них организационных и политических навыков. Наиболее целесообразным может считаться участие аспирантов в работе студенческих бригад на фабриках и заводах Москвы, лекторская и антирелигиозная работа. Для организации вневузовской работы аспирантов бюро необходимо связаться с тройкой по вневузовской работе при исполбюро профсекций I МГУ и с союзом безбожников[4].

IV. Аспирантское бюро должно заняться вовлечением аспирантов и в др. виды общественной работы: в Месткоме I МГУ, Д.Д.Раб[отников] прос[вещения], добровольных обществах и т.д.

———•

Общее собрание аспирантов предлагает Бюро настоящую резолюцию опубликовать в печати и довести до сведения Совета Института.

[дата неразборчива] Общее собрание аспирантов

Архив МГУ. Ф.49. Оп.1. Ед. хр.33. Д.21. Л.2—4.

Примечания

[1] Машинопись. Орфография и пунктуация сохранены. В квадратных скобках раскрыты сокращения.

[2] Общество воинствующих материалистов-диалектиков одно из обществ, функционировавших при Коммунистической академии. Образовалось от слияния Общества воинствующих материалистов и Общества материалистических друзей гегелевской диалектики [12, 1929, №1, с.182].

[3] Коммунистическая академия высшее учебное и научно-исследовательное учреждение по общественным и естественным наукам. Основана в 1918 г. под названием

Социалистическая академия общественных наук; в 1919 г. переименована в Социалистическую академию. С 1924 г. называлась Коммунистической академией. В состав академии входили научные институты: философии, естествознания, истории, литературы, искусства и языка, экономики, мирового хозяйства и мировой политики и ряд других. При академии существовал ряд обществ: воинствующих материалистов-диалектиков, математиков-марксистов, историков-марксистов, биологов-марксистов, востоковедов-марксистов, марксистов-государственников, врачей-марксистов-ленинцев. С 1922 г. издавался «Вестник Социалистической академии», переименованный в 1924 г. в «Вестник Коммунистической академии». В 1936 г. была объединена с Академией наук СССР.

[4] Союз воинствующих безбожников – массовая организация, существовавшая в 1925-1947 гг. Большую роль в возникновении союза сыграла газета «Безбожник» (1922-1941). В 1925 г. на первом съезде был создан Союз безбожников. В 1929 г. прошел второй съезд, образовавший Союз воинствующих безбожников. Союз проводил работу под девизом «Борьба с религией – борьба за социализм»; входил во Всемирный союз свободомыслящих. В 1947 г. функцию атеистической пропаганды возложили на вновь организованное общество «Знание».

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО Н.Н.ЛУЗИНА М.Я.ВЫГОДСКОМУ И НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ИЗДАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ[1)]

Н.С.Ермолаева

В предыдущем выпуске Историко-математических исследований были опубликованы два письма Н.Н.Лузина М.Я.Выгодскому [1]. Однако вместе с этими двумя письмами в том же фонде и в той же папке хранится еще одно письмо Н.Н.Лузина, которое и приводится в настоящем выпуске. Это третье письмо, хотя и не является столь ярким, как предыдущие, однако оно тематически связано с ними и дает новую информацию о научных и личных событиях в жизни Лузина.

Следует заметить, что эти письма находятся в настоящее время в Центральном архиве документов и коллекций г.Москвы, куда они были переведены из бывшего Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОРСС), а не в Центральном муниципальном архиве города Москвы, как написано во вступительной статье [2] к публикации писем Н.Н.Лузина. Правда, бывший ЦГАОРСС размещается в том же здании, что и Муниципальный архив.

Столь подробное объяснение вызвано тем, что в данной публикации указаны новые «адреса» этих писем. К сожалению, некоторая неточность содержится и в статье [3], которая появилась за

1)Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта:№№98-03-04084, 99-03-19868)